

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.12.46>

Яковлева Любовь Юрьевна

АРХИТЕКТУРНО-ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В КОНЦЕПЦИИ БИОПОЛИТИКИ М. ФУКО

Статья посвящена проблеме взаимосвязи биополитики и архитектурно-городского пространства в философии М. Фуко. Цель статьи заключается в интерпретации и анализе различных типов архитектурного и городского пространства в работах М. Фуко. В соответствии с целью автор приходит к решению ряда задач: проследить возникновение биополитического устройства пространства, раскрыть его влияние на тело и жизнь населения; предложить интерпретацию архитектурно-городской концепции М. Фуко в контексте медиатеории, обосновать необходимость понимания архитектуры и города у Фуко в качестве политических медиа. Новизна исследования заключается в раскрытии архитектурно-городских моделей пространства у Фуко в качестве особых пространственных и политических форм медиа.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/12/46.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 12. С. 234-239. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/12/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hlist@gramota.net

P. P. ERSHOV'S MYTHO-POETICAL WORLDVIEW AND PHILOSOPHY OF ROMANTICISM

Shakirova Tat'yana Vladimirovna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor

Erenchinova Evgeniya Borisovna

Chumanova Natal'ya Aleksandrovna

Industrial University of Tyumen

ta-nusha9@mail.ru; deutsche2011@mail.ru; nchumanova@yandex.ru

The article summarizes approaches to studying myth in science. P. P. Ershov's works are examined from the viewpoint of the Russian romanticism philosophy. The paper provides a comparative analysis of the categories "myth" and "reality" in the writer's creative work. His lyrical and prosaic works are analysed in the context of the mytho-poetical conception. Binary oppositions indicate struggle of good and evil in a human being. P. Ershov's artistic world is mythological harmony between a human and the nature. Formation of personages' spiritual values occurs through hard experience, through conflict with the world.

Key words and phrases: mytho-poetical worldview; myth; symbol; romanticism; mytho-poetics.

УДК 130.2

Дата поступления рукописи: 14.11.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.12.46>

Статья посвящена проблеме взаимосвязи биополитики и архитектурно-городского пространства в философии М. Фуко. Цель статьи заключается в интерпретации и анализе различных типов архитектурного и городского пространства в работах М. Фуко. В соответствии с целью автор приходит к решению ряда задач: проследить возникновение биополитического устройства пространства, раскрыть его влияние на тело и жизнь населения; предложить интерпретацию архитектурно-городской концепции М. Фуко в контексте медиатеории, обосновать необходимость понимания архитектуры и города у Фуко в качестве политических медиа. Новизна исследования заключается в раскрытии архитектурно-городских моделей пространства у Фуко в качестве особых пространственных и политических форм медиа.

Ключевые слова и фразы: власть; архитектурно-городское пространство; дисциплинарные пространства; биополитика; медиатеория; антирепрезентативность.

Яковлева Любовь Юрьевна, к. филос. н.

Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов

jakovleva.ljubov@yandex.ru

АРХИТЕКТУРНО-ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В КОНЦЕПЦИИ БИОПОЛИТИКИ М. ФУКО

Статья выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18-011-00414 А «Политики медиа», СПбГУ.

Предлагаемое исследование направлено на анализ и интерпретацию политических аспектов архитектурно-городских пространств в трудах М. Фуко. **Цель** данной работы заключается в раскрытии ключевых моментов фукольдьянской концепции биополитического управления при помощи городского планирования и постройки архитектурных сооружений. В этой связи перед автором статьи стоит ряд **задач**, а именно: 1) показать на основе текстов М. Фуко, каким образом биополитический тип управления обществом выстраивает определенную пространственную, архитектурно-городскую логику, упорядочивающую тело индивидов и населения; 2) предложить интерпретацию фукольдьянской концепции трансформации политики архитектурно-городского пространства в контексте медиатеоретического подхода к архитектуре. **Актуальность** данной темы обусловлена необходимостью переосмысления архитектурно-городского пространства современности и прошлого в рамках философского дискурса, в частности на основе медиатеоретического и медиафилософского подходов, позволяющих осуществлять анализ не только эстетических проблем архитектуры как особого искусства, но и обратиться к проблемам политического управления при помощи архитектуры и городского планирования как особых медиа. В этом состоит **научная новизна** предлагаемого исследования, поскольку роль фукольдьянской концепции архитектурного пространства как особой техники управления для медиатеории остается практически не исследованной.

Несмотря на то, что архитектура не является центральной проблемой в философии Фуко, французский философ постоянно обращается к типам пространств, устройству городов, к понятию среды и территории на страницах своих монографий, лекций и интервью. Не только экономика, медицина или наука, но и топология архитектуры и планирование городов тесно переплетаются с различными типами власти, существующими в тот или иной период истории. Для того чтобы показать, каким образом архитектура и городское пространство изменяют свои функции по отношению к властным механизмам управления, необходимо вкратце представить типы архитектурно-городских пространств, описанных М. Фуко в его курсе лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977-1978 году «Безопасность, территория, население».

Изменения, которые претерпевает пространство архитектуры и города, касаются не только его облика, стиля, формы и назначения для населяющих его индивидов; изменения затрагивают менее очевидные, но не менее существенные конфигурации отношений между властными механизмами управления обществом и архитектурно-городским пространством. Основная цель, в контексте которой Фуко исследует изменения в логике пространства, звучит следующим образом: «...исследование предмета, названного мною как биовласть и представленного... достаточно важной группой феноменов, а именно совокупностью механизмов, посредством которых то, что определяет основные биологические признаки человеческого вида, может проникать внутрь политики, внутрь политической стратегии, внутрь генеральной стратегии власти» [5, с. 13]. В этом отношении архитектура и городское планирование на определенном этапе истории начинают приобретать статус одного из важнейших механизмов, направленных на обеспечение «проникновения» жизни человека в область политики. Однако прежде чем сформировался данный тип властных отношений, названных Фуко биовластью, к определению которого мы еще вернемся, архитектурно-городское пространство играло несколько иную роль в жизни человека и общества. В анализе пространственных трансформаций в рамках соответствующих господствующих властных отношений Фуко выделяет *пространства суверенитета, дисциплинарные пространства и пространства безопасности*.

Для прояснения отношений «власть – пространство», складывающихся до XVIII века, Фуко обращается к трактату XVII века А. Леметра «Метрополитея», где «государство должно быть подобно зданию... под землей фундамент здания... – это крестьяне... служебные помещения – это... ремесленники» [Там же, с. 29], благородным частям здания в описании Леметра соответствуют чиновники и монарх. Подобная «архитектурная метафора» [Там же] распространяется и на все государство, где в качестве несущей основы, фундамента выступает сельская местность, далее следуют небольшие города – то есть «служебные части с ремесленниками и в центре, в столице располагается глава государства. Использование метафорического описания неслучайно и отражает глубоко символическое значение пространства для власти суверенитета. Мы видим, как столица наделяется, прежде всего, символическим значением: она является “подлинным украшением земли”» [Там же, с. 30], выполняющим вместе с тем и политические, экономические, нравственные функции. Точно так же не только распределение территории страны, но строительство отдельных построек преследует во многом символическую функцию: «Прежде искусство строить отвечало главным образом на потребности проявлять власть, божественность, силу. Главными формами здесь были дворец и церковь, к которым надо также добавить и укрепления, ибо так проявлялось могущество, так выражали суверенность, так отображали Бога» [7, с. 223]. Здесь мы видим, что архитектура и градостроение проявляют, символизируют, но не входят так глубоко во властные механизмы управления. Несмотря на то, что распределение территории, постройка зданий учитывают экономические задачи, оборонительные функции, они не являются планомерно проводимой политикой пространства, которая могла бы рассматриваться в качестве ведущей силы влияния на экономические процессы. Скорее речь идет именно о репрезентации централизованной власти, которая демонстрирует собственное могущество и владеет идеально устроенной и четко закрепленной за ней территорией. Воздействие осуществляется через символическую значимость.

Следующий тип пространства – дисциплинарный тип представлен Фуко на основе модели лагеря для описания логики градостроения и в других работах на основе модели паноптикума для анализа архитектурного пространства. С точки зрения Фуко, пространство лагеря имеет особое значение для характеристики дисциплинарного понимания пространства. Примерами для него служит ряд городов, построенных в Швеции и Франции в XVII в., – Гётеборг, Христиания и Ришелье. Для постройки данных городов была использована логика организации римского лагеря, имеющего форму геометрической фигуры, «квадрата или прямоугольника, разделенного крест-накрест на более мелкие прямоугольники или квадраты» [5, с. 33]. В соответствии с такой планировкой предполагается заранее готовый план, который задает норму для максимально эффективного экономического обращения, для выстраивания разделенных, определенных участков проживания, которые населяют те или иные слои общества. Ширина улиц, соотношение построек для высших и для низших слоев общества, отведение определенных зон для эффективной торговли – все это начинает входить в техники управления пространством при помощи градостроения и архитектуры. Вместе с тем меняется и отношение к телу индивида, которое отныне должно встраиваться в соответствующую «архитектуризацию пространства» [Там же, с. 34], в создаваемые властью нормы и становится объектом пристального наблюдения, что нашло свое выражение в известном проекте идеальной тюрьмы «паноптикума» И. Бентама.

Бентам предложил модель идеальной тюрьмы, где в центре размещается башня с окнами для надзора за происходящим в здании, которое располагается вокруг башни. В поднадзорном здании имеются четко разделенные камеры с особым образом устроенными окнами, благодаря которым надзиратель в башне всегда может видеть происходящее в камере, а заключенный никогда не может увидеть напрямую взгляд. Во многом надзор осуществляется благодаря направленному из башни свету, который, как подчеркивает Фуко, не является схемой «исключения» и заключения в темницу, а схемой постоянной «включенности» в процедуру надзора, руководствующегося не темнотой, но светом [6, с. 293]. С этим связан и основной интерес Фуко к пространствам больниц и тюрем, которые стали главными проектами по дисциплинаризации пространства, по подчинению каждого отдельного тела жесткой сетке регламентации, записи и наблюдения. В целом и больницы, и выстраивание городской планировки на основе сетки лагеря демонстрируют общий принцип дисциплинарного пространства – создание идеальной нормы, в которую, как в таблицу, должно быть встроено

тело каждого индивида. С точки зрения Фуко, такой тип пространств вместе с пространствами суверенитета отчасти сохраняется и в современной культуре, однако основная роль во властных механизмах с конца XVIII века вплоть до современности принадлежит следующему типу архитектурно-городской топологии – *пространствам безопасности*.

Когда основное внимание политики направлено на решение вопросов безопасности, прежние концепции символической территории, идеальной нормы подчинения перестают выполнять ведущую роль в организации города и остальной территории. Для прояснения специфики пространства безопасности Фуко выделяет ряд отличительных черт архитектурно-градостроительных проектов после XVIII века: 1) в качестве отсчета берется не символ, не искусственно сконструированная норма пространства, но опора на «вещественную данность: она ведет работу с существующим размещением, с течением воды, с островами...» [5, с. 37]; 2) проекты выстраиваются не с целью исключить все отрицательные факторы, наподобие болезней или маргинальных слоев общества, но с целью поддержки положительных черт. Такая политика имеет дело не с идеальной нормой, но с серией *вероятностей*, где отрицательные явления не могут быть исключены полностью; 3) планировка территории предполагает «многогранность» и сложность такой системы, как город. Соответственно такому пониманию производится учет всех факторов существования и их взаимодействия друг с другом – расположения домов, плотности населения, наличия мест скопления воров, ширины улиц, влияния этих факторов на гигиену, на общую экономическую ситуацию на данной территории; 4) последний немаловажный пункт, рассматриваемый Фуко, – это расчет динамики городской территории. Поскольку отныне не существует заранее задаваемого символа и идеала норм, которые исключали изменчивость, город и здание выстраиваются с учетом их возможных изменений, которые могут произойти в дальнейшем. Речь идет о «неопределенной серии происходящих событий... неопределенной серии аккумулирующихся единиц, будь то такое-то количество жителей или такое-то количество домов. И именно управление такого рода открытыми последовательностями... является достаточно типичным для механизма безопасности» [Там же, с. 38]. Именно такого рода неопределенность, вероятность и открытость начинают входить в поле политического управления территорией, которая предстает в качестве изменчивой системы отношений. Что же происходит с телами индивидов, составляющих множественность, упорядочиваемую архитекторами и градостроителями? Как полагает Фуко, именно пространства безопасности являются одним из властных механизмов управления таким явлением, как население, а совокупность этих властных механизмов и практик может быть обозначена как *биополитика*. Биополитика не просто использует открытые и вероятностные типы проектирования городов и зданий, но также особым образом управляет телом населения. Поясняя значение термина «биополитика», Фуко подчеркивает: «...под этим термином я имел в виду попытки рационализации, начиная с XVIII в., проблем, ставшихся перед практикой управления, феноменами, присущими единствам людей, или населению – такими феноменами, как здоровье, гигиена, рождаемость, продолжительность жизни, расы...» [9, с. 151].

Наряду с общими принципами планировки городского пространства в рамках биополитического управления населением следует указать в качестве примера архитектурные принципы проектов функционализма и идеи Л. Корбюзье. Корбюзье перечисляет ряд положений, которые должны учитываться при постройке зданий и которые напрямую затрагивают проблему «заботы» о теле как особого управления чувственностью: «Легкие, слух, зрение; чистый воздух, тишина и душевное спокойствие» [1, с. 125] – таковы параметры, учитываемые архитектурными постройками. Так, для правильного управления зрением необходим максимум освещения, что достигается стеклянными герметичными фасадами. Калькуляция воздуха в помещениях является одной из главных задач Корбюзье, опирающегося в своих измерениях на исследования, проводимые медиками. «С организацией “правильного дыхания” станут почти излишними предписания муниципальных органов» [Там же], – отмечает Л. Корбюзье и рассчитывает необходимые 8 литров кондиционированного воздуха в минуту [Там же]. С одной стороны, подобное исчисление тела и чувственности близко описанию М. Фуко порядка надзора в пространстве больниц, где «надзор основывается на системе постоянной регистрации» [6, с. 287]. Подобная параллель не случайна, поскольку Корбюзье опирается на биомедицинский дискурс. Так, рассматривая дом как особую машину, он исходит из «парадигмы госпиталя...» [17, р. 394]. С другой стороны, идеи Корбюзье в большей степени встроены не в дисциплинарные пространства, но в биополитический принцип управления телом, поскольку его архитектура имеет тип «открытого» характера. «Применение техник дисциплинарной власти обычно начинается с перемещения индивидов в пространстве. Такая власть требует замкнутых пространств...» [4, с. 63] – казармы, интернаты, мануфактуры являются закрытыми пространствами, создающими внутреннее пространство, противопоставленное внешней жизни улиц и города. Идеи Корбюзье относятся к периоду становления архитектуры, когда она «стала открытой другим дисциплинам и формам знания... Газ, вода, воздух и свет являются внешними переменными, которые пронизывают дом и вписывают его в гораздо более широкую логику сети» [17, р. 394]. В здании, так же как и в планировке города, учитывается серия вероятностей – от климата до плотности расположения домов, так и в постройке здания учитываются циркуляция воздуха, подача воды, доступ к свету и другим переменным. Подобное «расширение» границ здания до целого города, более скрупулезное исследование связей между зданием и улицей, между зданием и инфраструктурой города, включение зданий в природные процессы направлены на реализацию принципов биополитического управления населением. Важнейшим фактором такого управления является «нужда в экономическом планировании, поскольку ключевая проблема биополитических техник – это проблема производства “*Homo economicus*”... биополитика стремится защитить население, чтобы оно приносило прибыли

и было здорово. Пространство обретает свою, новую вспомогательную функцию, функцию экономического благоприятствования, которая оказывается политическим фактором контроля и надзора» [3, с. 27].

В работах Фуко термины «биополитика» и «биовласть» используются для описания особого отношения к человеку как особому биологическому виду. Суверенитет, выстраивая свои символические, идеальные территории с сильным властным центром, имел право на смерть человека: либо приговаривал к ней, либо сохранял жизнь, руководствуясь тем, соответствует ли жизнь и поступки индивидов общества закону или нет. Дисциплина опирается уже не столько на термины законности – незаконности с правом на смерть, сколько на термины нормы и не-нормы с соответствующими мерами исключения, заточения, подчинения. На уровне дисциплины возникает интерес к возможностям управления не смертью, но жизнью посредством регламентации, расчета биологических процессов. Так, уже медицинские учреждения выстраивались на основе взаимовлияния природных процессов, света, климата, планировки пространства и биологических процессов тела человека. Однако появление госпиталей как дисциплинарных форм основывалось на противопоставлении, постоянном несовпадении *искусственности* норм и *естественности* тел, что обеспечивало возможность осуществления принципа заключения/исключения тела, не соответствующего норме здоровья: «Дисциплина устанавливает иерархические различия, которые устанавливают разделение между теми, кто считается нормальным и ненормальным, подходящим и способным, и другими...» [14, р. 47].

Биополитика отказывается как от идеальной территории, так и от навязываемых «норм, которым противостоит множество индивидов. Задача всей совокупности властных механизмов, в которых существенным образом задействованы архитектура и градостроение, заключается в незаметном, непрямом управлении, чтобы обеспечить “вторжение «естественности»” человеческого вида в политическую искусственность властных отношений» [5, с. 40]. Отныне политическое управление перестает противопоставлять собственную «искусственную» сферу норм и законов, но стремится внедриться в жизнь населения, распространив сферу своего влияния на все жизненные процессы. Биополитика опирается на идею безопасности населения и исследует, рассчитывает *реальные процессы*: «...технологии безопасности принимают реальность за норму: за статистическое распределение событий, за средний уровень заболеваемости, рождений и смертей и т.д. Они не проводят абсолютной границы между разрешенным и запрещенным; скорее, они определяют оптимальную середину в спектре вариаций» [14, р. 47]. Подобные технологии признают естественность процессов жизни населения и природных процессов, их вероятностный характер и внутренне регулируемую динамику.

Самое население рассматривается в качестве такого множества индивидов, которые «существенно, на биологическом уровне связаны с окружающей их материальностью» [5, с. 40]. Для осуществления этого влияния, с точки зрения М. Фуко, было необходимо изобретение такого феномена, как «среда»: «...среда... есть то, в чем осуществляется обращение. Она представляет собой набор естественных (реки, болота, холмы) и искусственных (скопление индивидов, скопление домов и т.п.) данностей» [Там же, с. 39]. С формированием, облагораживанием среды в сферу интересов биополитики входят климатические проблемы, управление состоянием природных процессов и одновременно состоянием здоровья населения, его репродуктивной системой, здоровьем. Население и условия его существования составляют единое материальное поле, которое регулируется, рассчитывается и поддерживается различными политическими техниками. Архитектура становится одним из важнейших властных средств управления, благодаря которым возможен расчет размеров, освещенности, расположения жилого пространства, оказывающего непосредственное влияние на продолжительность жизни, гигиену, состояние здоровья индивидов и их продолжительность жизни.

После рассмотрения наиболее общих принципов архитектурно-городского пространства – пространств суверенитета, дисциплинарных пространств и биополитического устройства территории – следует обратиться к вопросу о том, каким образом мы можем определить роль архитектуры в управлении населением? Сам Фуко описывает архитектуру как посредника между биополитикой и населением, между биополитикой и телом индивидов. Такой посредник, «подобно практике управления и практике прочих форм социальной организации, является *techné*» [8, с. 236]. С нашей точки зрения, архитектура как особая техника управления в наибольшей степени сближается с медиатеоретическим подходом к анализу архитектуры. В этой связи мы обратимся к пониманию архитектуры как особого медиа и продемонстрируем близость позиций Фуко и взглядов медиатеоретиков.

Подход М. Фуко, исследование генеалогии пространств, анализ их функций, конфигураций и связей с политикой противостоят репрезентативной схеме описания архитектуры: архитектура не отражает социально-политические процессы, но является их внутренней техникой управления или организации пространства. Мы видели, как городское планирование и архитектура, начиная с дисциплинарных пространств, становятся средством управления, а не символом власти. Подобный антирепрезентативный подход прослеживается у большинства медиатеоретиков, рассматривающих пространства города и архитектурных построек как особые медиа: у М. Маклюэна [2, с. 139-148], Ф. Киттлера и М. Гриффина [13], Г. Шабахера [15], В. Шеффнера [16], С. Аллена [10], Х. Делитца [12]. Так, уже М. Маклюэн обратился к рассмотрению жилья как особого медиа, которое является средством коммуникации, осуществляет «контроль тепла» и, «делая тепло и энергию социально доступными для семьи или группы... благоприятствует развитию новых умений» [2, с. 142]. Наряду с такими явлениями культуры, как одежда, деньги, электричество, письмо, речь, архитектура является медиа, которое ничего не выражает и не репрезентирует. С точки зрения Маклюэна, ««сообщением» любого средства коммуникации, или технологии, является то изменение масштаба, скорости или формы, которое привносится им в человеческие дела» [Там же, с. 10]. Поэтому при изучении истории архитектурных стилей

в контексте медиа мы должны исследовать не внешние элементы зданий, не их символическое значение, но то, как они трансформируют наше восприятие пространства, времени, коммуникацию и другие области жизненного мира. Соответственно благодаря архитектуре социально-политические практики впервые получают внутреннюю дифференциацию, распределение, границы, а не существуют автономно вне архитектурного опосредования. Медиатеоретик, следовательно, занимается не внутренним содержанием, но широким полем функций тех или иных медиа.

Современный немецкий теоретик медиа В. Шеффнер, как и Маклюэн, обращается к проблеме архитектуры как медиа и выделяет наряду с «защитной» функцией тепла и коммуникативного сближения элементарные функции, придающие единство зданию и обеспечивающие его связь с окружающей средой. Такими базовыми функциями выступают операции «открытия»/«закрытия» (Öffnung/Schließung): «...архитектурные произведения являются системой связанных открытий, соответственно также и разделенных между собой систем энергии, воды, воздуха и т.д., которые состоят из самостоятельных или связанных путей переноса и образуют в определенных местах их оперативные пространства» [16, S. 144]. Подобное смещение акцента со свойств здания на систему операций, которые оно выполняет в целом города, позволяет описывать «сетевой» характер архитектурных медиа. Архитектура не репрезентирует содержание, но выполняет ряд существенных пространственных функций: она разделяет и связывает различные потоки энергии, информации, перемещения людей.

В этом отношении особого внимания заслуживает исследование немецкого социолога Х. Делитц «Архитектура как медиум социального. К социологической теории построенного пространства», в котором автор стремится вывести социологический подход к архитектуре от репрезентативной парадигмы. Х. Делитц подчеркивает: «...хотя, конечно, социальное влияет на архитектуру, но одновременно сами постройки обладают собственной социальной эффективностью» [11, S. 13]; «Каждая архитектура задает определенные движения, поведения тела и зримость... она сообщает специфическим социальным отношениям их устойчивый образ...» [12, S. 188].

В рассмотренных нами позициях, направленных на анализ архитектуры как медиа, присутствует общее стремление теоретиков исходить из функций, которые архитектура осуществляет для организации движений человеческого тела, тела общества, для управления пространством, временем, ритмом жизни. Таким же образом М. Фуко стремится выявить наиболее существенные функции архитектуры, являющейся посредником тех или иных политических практик и социальных тенденций: она «обеспечивает известное распределение людей в пространстве, канализирует их циркуляцию, а также кодифицирует их взаимоотношения... архитектура образует не только элемент пространства: она мыслится вписанной в поле социальных отношений, в рамках которых вводит известное количество специфических *последствий*» [8, с. 233]. Соответственно, как интерес Фуко, так и интерес медиатеоретиков направлен на изучение последствий, изменений, «эффектов» (Делитц), которые производят архитектура и городское планирование в пространстве общества.

Наряду с антирепрезентативностью и функциональностью архитектурных медиа некоторые исследователи проблематизируют соотношение зримости/незримости в архитектурно-городском пространстве. Так, немецкая исследовательница медиа Г. Шабахер, вслед за Ф. Киттлером и Б. Латуром, обращается к различным типам ускользания архитектурно-городской медиальности от объективации и описания: к незримости городской инфраструктуры, к незримости «путей сообщения или теплопроводов и канализационных линий» [15, S. 81]. Нельзя не согласиться с тем, что понимание медиа будет неполным, если не учитывать специфику самого «объекта» изучения – медиа обладают своей оборотной, незримой стороной, которая сопротивляется окончательной репрезентации. Вместе с тем в трудах Фуко красной нитью проходит тема незримого взгляда власти, который либо регламентирует жизнь, как в паноптикуме Бентама, либо, будучи распределенным в различных биополитических пространствах, управляет естественной жизнью населения.

Поскольку проблемы антирепрезентативности, функциональности и зримости являются ключевыми темами теории медиа и фукольдианского анализа архитектуры, можно сделать вывод, что пространства архитектуры и города выполняют в работах Фуко роль медиа. Современная форма архитектурно-городских пространств в наибольшей степени подходит для обозначения их в качестве медиа как на уровне теоретического описания, так и на уровне их реализации в жизни современного общества. Если до существования дисциплинарных пространств, с точки зрения М. Фуко, архитектура не столь сильно определяла политические решения, управление жизнью народа и скорее была символом власти, то затем она становится определяющей политической техникой управления, создающей определенные условия для наиболее существенных сфер человеческой жизни в ее биологическом измерении: от здоровья до репродуктивной системы. Как особая техника или медиа, архитектура становится преимущественно биополитическим медиа.

Подводя итог проведенному анализу архитектурно-городских пространств М. Фуко, следует отметить, что в первой части исследования на основе работ М. Фуко мы проследили генеалогию различных типов пространств в их функции для тех или иных видов власти. Было показано различие между архитектурными типами пространств суверенитета, дисциплинарных пространств и пространств биополитических. Особое внимание было уделено рассмотрению тех моделей, которые позволили Фуко описывать наиболее общие конфигурации пространств в их значении для осуществления властных полномочий: города как символического здания для суверенитета, города-лагеря и здания паноптикума для дисциплинарного типа и динамичной среды вне определенной модели для биополитического типа городских планировок и построек. Для демонстрации принципов биополитики были представлены общие архитектурные принципы функционализма Корбюзье, обнаруживающие связь с биополитическим открытым типом пространств.

Авторский вклад предлагаемого исследования был раскрыт во второй части, имеющей методологический характер: была предложена интерпретация роли архитектуры и города в работах Фуко на основе медиатеоретического подхода. Последний позволил раскрыть статус архитектуры в фукольдианской концепции в качестве одного из важнейших медиа в современной культуре. Сравнивая позиции современных немецких медиатеоретиков с взглядами Фуко, мы показали, что центральные темы различных подходов к медиа, а именно: антирепрезентативность, функциональность и распределение зримости, присутствуют и в исследованиях Фуко. Несмотря на то, что сам Фуко предпочитает описывать архитектуру в качестве особой техники управления, его понимание во многом соответствует медиатеоретической установке.

В результате подобной герменевтической операции был сделан вывод о том, что медиатеоретический подход наиболее адекватен для описания архитектурно-городского пространства, существующего при биополитическом типе управления населением, когда архитектура становится техникой, медиа, управляющим и контролирующим биологическую жизнь индивидов. Предложенная здесь интерпретация призвана включить проблемы биополитики архитектурно-городского пространства и исследования М. Фуко в медиатеоретический дискурс. Тем самым медиатеория, а в особенности медиафилософия, сможет найти новые пути решения для анализа существенных характеристик политик медиа, которые являются, прежде всего, биополитикой медиа.

Список источников

1. **Корбюзье Л.** Лучезарный город // Корбюзье Л. Архитектура XX века. М.: Прогресс, 1977. С. 121-142.
2. **Маклюэн М.** Понимание Медиа. Внешние расширения человека. М. – Жуковский: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2003. 464 с.
3. **Орлеанский Н. Н.** Пространственный аспект биополитической концепции М. Фуко // Сравнительная политика. 2014. Т. 5. № 4 (16-17). С. 24-28.
4. **Сокулер З. А.** Знание и власть: наука в обществе модерна. СПб.: РХГИ, 2001. 240 с.
5. **Фуко М.** Безопасность, территория, население. СПб.: Наука, 2011. 544 с.
6. **Фуко М.** Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 479 с.
7. **Фуко М.** Око власти // Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2002. Ч. 1. С. 220-249.
8. **Фуко М.** Пространство, знание и власть // Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2006. Ч. 3. Статьи и интервью, 1970-1984. С. 215-237.
9. **Фуко М.** Рождение биополитики // Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2006. Ч. 3. Статьи и интервью, 1970-1984. С. 151-161.
10. **Allen S.** Infrastructure Urbanism // Points + Lines. Diagrams and Projects for the City. N. Y.: Princeton Architectural Press, 1999. P. 46-89.
11. **Delitz H.** Gebaute Gesellschaft. Architektur als Medium des Sozialen: Dis. Dresden: Techn. Univ., 2009. 367 S.
12. **Delitz H.** Gesellschaften der Städte, Gesellschaften der Zelte // Blickpunkt Archäologie. 2018. № 3. S. 188-196.
13. **Kittler F. A., Griffin M.** The City Is a Medium // New Literary History. 1996. Vol. 27. № 4. Literature, Media, and the Law. P. 717-729.
14. **Lemke T.** The Government of Living Beings: Michel Foucault // Lemke T. Biopolitics: An Advanced Introduction. N. Y.: New York University Press, 2011. P. 33-53.
15. **Schabacher G.** Unsichtbare Stadt. Zur Medialität urbaner Architekturen // Zeitschrift für Medienwissenschaft. Medien/Architekturen. 2015. Heft 12. S. 79-90.
16. **Schäffner W.** Elemente architektonischer Medien // Zeitschrift für Medien- und Kulturforschung. 2010. № 1. S. 137-149.
17. **Wallenstein S.-O.** Foucault and the Genealogy of Modern Architecture // Wallenstein S.-O. Essays, Lectures. Stockholm: Axl Books, 2007. P. 361-404.

ARCHITECTURAL AND URBAN SPACE IN M. FOUCAULT'S BIOPOLITICAL CONCEPTION

Yakovleva Lyubov' Yur'evna, Ph. D. in Philosophy
Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences
jakovleva.ljubov@yandex.ru

The article is devoted to the problem of interrelation of biopolitics and architectural and urban space in M. Foucault's philosophy. The research objective includes interpreting and analysing different types of architectural and urban space in M. Foucault's works. In accordance with the research objective, its tasks are as follows: to trace the formation of biopolitical space, to reveal its influence on the body and life of the population; to suggest interpretation of M. Foucault's architectural and urban conception in the context of the media theory; to justify M. Foucault's understanding of architecture and city as political media. Originality of the study lies in the fact that M. Foucault's architectural and urban space models are considered as special spatial and political forms of media.

Key words and phrases: power; architectural and urban space; disciplinary spaces; biopolitics; media theory; anti-representativeness.